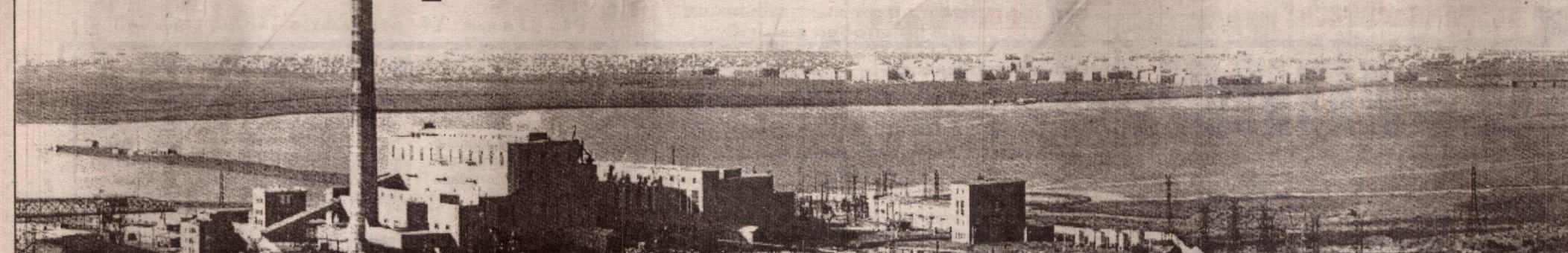

ГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

водах черной металлургии. В январе 1936 года Орджоникидзе сообщает Завенягину, что поддерживает инициативу магнитогорцев.

Стахановская пятидневка всколыхнула всю многотысячную рабочую Магнитку. В соответствии с единодушным желанием всех рабочих и ИТР Магнитка обращается ко всем заводам, принявшим участие в стахановской 5-дневке с предложением продлить ее до 1 февраля.

В феврале 1936 года Завенягин телеграфирует Орджоникидзе, что строители Магнитки закончили 24 января первую пятидневку: «За 5 дней по всей стройке мы выполнили 36 процентов месячного плана».

Стахановское движение крепло по всем металлургическим заводам. В апреле 1936 года начался стахановский месяц, инициатором проведения которого выступил Магнитогорский металлургический комбинат. Директор был тогда в Москве и телеграфировал коллективу ММК: «Стахановский месяц начался по нашей инициативе. Это отмечает сегодня «Правда». Надо весь месяц работать по-новому, драться за 6 тысяч тонн чугуна, 4,5 тыс. тонн стали, 4-4,5 тыс. тонн проката.

та. Надо начать работу дружно, сразу занять ведущее место. Нарком лично сказал мне, что в первую стахановскую декаду мы заняли 1-е место. Мы его должны сохранить».

В конце мая — 30.05.36 г. — по примеру Донбасса на различных объектах металлургического комбината вводятся штат инструкторов стахановских методов труда. Первыми инструкторами на Магнитке были назначены Галиуллин — по бетонным работам, Кокосов — по плотницким, Ащеулов — по монтажным.

По лезвию бритвы

Авраамий Павлович Завенягин верил в людей. Эта вера была не методом или стилем, а сутью натуры. Она и определила его главный жизненный подвиг. И не изменил он ей даже на самых трагических перекалах судьбы.

15 февраля 1937 года Орджоникидзе позвонил в Магнитогорск и сказал, что поддержал предложение назначить Завенягина первым заместителем наркома тяжелой промышленности. 19 февраля Завенягин уже был в Москве. Из приемной наркома ему сообщили, что Орджоникидзе внезапно скончался: сердечный приступ... Завенягин наверняка подозревал, в чем причины трагического конца, он знал о серьезных разногласиях по поводу методов хозяйствования между Орджоникидзе и Сталиным. Знал, что идет расправа с оппонентами генсека. Знал и то, что подвергает опасности свою жизнь, оставаясь в лагере Серго. К тому же к себе в дом в Магнитогорске он взял сына репрессированных знакомых.

Новый нарком Каганович передал первому заму дело на врага народа академика И. М. Губкина. Ознакомившись с пухлой папкой дела, Завенягин твердо убедился в том, что Губкина оклеветали. Прямо из кабинета по прямому проводу позвонил Сталину. Сказал, что знает Ивана Михайловича лично, считает своим приятелем. Напомним, что Губкин — участник разработки плана

ГОЭЛРО, энтузиаст советской нефти, что Ленин высоко его ценил, уважал и в свое время рекомендовал принять в партию без кандидатского стажа. Дело было закрыто. Губкин возглавил нефтеразведку между Волгой и Уралом. Однако Каганович не простил первому заму «звонок через голову». Вызвал и закричал: «Отправляйся домой! Жди решения!»

Завенягин оказался под домашним арестом. Долгим был тот месяц весной 1938 года. Можно догадываться, о чем только не передумали Завенягин, его родные и друзья, которых стало вдруг совсем мало... Однажды глубоко за полночь к дому подъехала легковая машина. Ночной гость вручил Авраамии Павловичу, кандидату в члены ЦК ВКП (б) пакет. В нем — материалы к очередному совещанию.

Но еще до заседания его вызвал Председатель СНК В. М. Молотов:

— Мы решили вас не добивать. Предлагаем поехать начальником строительства в Норильск.

Завенягин слушал и вспоминал их давние встречи на Украине. Вспоминал, как в декабре 1921 года, в дни работы конференции КП (б) У в Харькове они жили в одном номере гостиницы — Авраамий тяжело заболел, и Вячеслав, проявив большую заботу, выхаживал соседа... До отъезда на Север Завенягина пригласил нарком внутренних дел Ежов — с 1938 года строительство Норильского комбината находилось в ведении НКВД.

Вот что вспоминает Мария Никифоровна Завенягина:

— Муж рассказывал, что Ежов был предупредителен и учтив. Подробно обсудив норильские дела, он попросил секретаря принести себе и Авраамии чаю и, когда они остались вдвоем, вдруг спросил: «Хотите посмотреть дело на себя?» Зачем только муж ответил: «Хочу»? Он вернулся домой; как тень: «Маша! Маша! Ты не поверишь... Кто только не подписал клевету на меня!»

На седьмой (!) день своего пребывания на строительстве заполярного комбината Завенягин приказал создать невиданный по тем временам проектный отдел численностью более 600 человек. Его техническую роль в дальнейшем строительстве комбината трудно переоценить, но и для специалистов он был «спасительной гаванью». Проектный отдел стал гражданским подвигом норильского директора. Он сразу понял, людей какого ранга — и сколько! — привела судьба в Норильск, и на свой немалый страх и риск, естественно, по-своему, по-завенягински распорядился попавшим в его руки национальным достоянием — интеллектуалами высшего класса. Из 11 исследователей, проектировщиков и строителей, удостоенных уже в 1966 году Ленинской премии за «строительство города Норильска и Норильского комбината в условиях вечной мерзлоты, девять лауреатов — из «завенягинского отдела».

14 августа 1966 года «Правда» писала: «Он спас многих... Это не было частной благотворительностью. Он вернул слабым мужество, отчаявшимся — самоуважение, всем — веру в значительность своего труда. Он дал людям самое большое, что мог дать — цель».

«Учиться хозяйствовать!» — трудно не воспринять этот ленинский завет ключевым. Но он-то как раз зачастую и предавался забвению. Стоит ли удивляться, что деятельность Завенягина, основанная на глубоком знании производства и психологии людей, давала такие фантастические результаты.

...На строительстве Норильского комбината план первых четырех месяцев был выполнен на 10 процентов. Завенягин прибыл сюда 28 апреля. НКВД уже три года вело строительство. Анализируя причины, Завенягин радирует в Москву: «...Крайняя неорганизованность стройки — нет главного строителя и элементарного аппарата. Никто не занимается организацией производства, нормами и зарплатой, проектом. Не организованы работы на объектах. Этим объясняется безобразно низкая производительность труда. Если попытаться предельно коротко охарактеризовать то, что сделал Завенягин в Норильске, нужно сказать так: он сформировал новое представление о Севере, первым предложил принципиальный путь его промышленного освоения. Благодаря завенягинскому провидению, таланту, бескомпромиссности промышленности получила норильский никель уже в апреле 1942 года — на несколько лет раньше проектного срока. Он сделал это с коллективом, состоящим в основном из несправедливо обиженных (до восстановления их добрых имен оставалось еще полтора десятка лет). Смог сделать, потому что верил им, а они — ему. Потому что создал максимально возможные условия для творческого труда».

Когда Завенягин только приехал в Норильск, на отделку его квартиры поставили лучшую строительную бригаду. Пришел Авраамий Павлович: «Очень хорошо! Вот так бы отделяли всем! Отдайте квартиру лучше горняку, а мне приготовьте рядовую». Однажды снабженец принес Завенягину на квартиру дефицитные продукты и услышал: «Считайте себя уволенным!» В одной семье тяжело заболел мальчик. Не успели родители принять меры, в дом пришел посыльный от Завенягина и сказал, что в служебном самолете забронированы места, чтоб вывезти мальчика на «материку».

Такие случаи из жизни Норильска вспоминают с восхищением: «Узнал! Места забронировал!» Но разве трудно услышать, что ребенок заболел? Кто умеет слышать — услышит. Дело в том, что Завенягин никогда не позволял снижать критерий понятия «человечность» ни себе, ни тем, кто был рядом.

Он не был добреньким. Мог быть крайне строгим и требовательным. Но никогда — ни в большом, ни в малом — не погрешил против правды. Завенягин оставил добрую память среди многочисленных заключенных, которые трудились под его началом. Он старался, чтобы каждый получал работу по специальности, добивался, чтобы спецконтингент был обеспечен достаточным питанием и медицинским обслуживанием.

Не снимая тяжелой ноши

Весной 1941 года Завенягина возвращают в Москву. Как и прежде, он в должности заместителя наркома. Руководит крупнейшими стройками на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке — в их числе и своим «Норильскстроем». Это была его Великая Отечественная война.

Передышки не было. Руководя громадными заводами и стройками, А. П. Завенягин никогда не забывал о тех, кто нуждался в его помощи и в чей трагической судьбе мог сделать положительный поворот. Так, в книге «Репрессированная наука» под редакцией М. Г. Ярошевского рассказано о том, как Завенягин спасал арестованного еще летом 1938 года профессора технологии редких и радиоактивных металлов доктора технических наук Н. Я. Башилова.

Из записной книжки Башилова 30/VI: «Вызов в спецотдел. Беседа с Завенягиным... Поворот, действительно, внушает надежды.

«Сорокадвулетний Авраамий Павлович Завенягин, в те годы заместитель наркома НКВД, резко выделялся среди прочих руководителей этого ведомства как уровнем образованности, так и умением ценить вверенных ему людей, хотя бы прагматически, в качестве полезных работников» (М. Г. Я. «Р. н.»).

Завенягин бережно относился к ученым и не считал личные переговоры с арестантом-профессором ниже своего достоинства. Башилову было предложено перейти в его «хозяйство», предоставлялся выбор: Норильск или Красноярск. Иван Яковлевич отказался от Норильска и выдвинул со своей стороны одно условие — освобождение.

Завенягин выполнил его волю немедленно. Утром 10 июля Башилов вышел из Бутырской тюрьмы, имея на руках справку об освобождении, снабженную отпечатками его пальцев. В Красноярске Башилов был поселен на территории строящегося завода и назначен на должность начальника научно-исследовательского отдела центральной заводской лаборатории.

В июле 1945 года И. Я. Башилов с группой инженеров завода был награжден орденом «Знак Почета».

После войны для Авраамия Павловича Завенягина наступили еще более сложные и ответственные времена. Начался период, получивший название «холодной войны». Его точкой отсчета стала речь У. Черчилля в Фултоне, пронизанная ядом антикоммунизма. Крайне правые силы собрались под знаменами против страны Советов, состоялся атомный удар по Хиросиме и Нагасаки. Начался атомный шантаж нашей страны.

Против занесенного меча надо было выковать, и без промедления, надежный ядерный щит. Вопрос стоял четко и однозначно: быть или не быть. Задача была поставлена так: создать собственную атомную бомбу. За успех отвечали прежде всего двое: ученый Курчатов и организатор Завенягин. В книге о знаменитом академике, написанной участником событий И. Н. Головиным, достаточно прочесть несколько абзацев, чтобы ясно представить и понять, чем занимался Завенягин в те годы и какую ответственность перед судьбой страны он нес на своих плечах:

— Работа идет круглосуточно. Курчатов и Завенягин лично следят за всеми приготовлениями... Их обоих можно видеть то на месте будущего взрыва, то в помещениях сборки узлов бомбы, то в бетонированных блиндажах-лабораториях.

Окончательная сборка бомбы ведется под неослабеваемым наблюдением Курчатова и Завенягина. Наконец ее поднимают на башню, где она будет взорвана.

Испытания на рассвете 29 августа 1949 года прошли успешно. 12 августа 1953 года опробована водородная бомба.

Страна была защищена. Стратегический паритет восстановлен.

Завенягину оставалось заполнить две последние строчки из справки о местах работы за всю жизнь: «...1953-1954 годы — заместитель министра среднего машиностроения. 1955-1956 годы — заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр среднего машиностроения».

Созидатель по своей природе Завенягин мечтал о том же и смог реально воплотить мечту о рабочем, а не военном атоме. Он руководил строительством 1-й советской атомной электростанции — это дело, к сожалению, стало последним в его жизни. Создатели АЭС — ученые, инженеры, рабочие — запомнили его неутомимым, вникающим во все детали, успевающим на самые ответственные участки, хотя серьезная болезнь уже давала о себе знать. Та же доброжелательность в отношении с подчиненными, та же четкая организация большого коллектива. И как итог — своевременное выполнение ответственного правительственного задания.

Таким он запомнился современникам. В художественной прозе, тесно связанной с историей нашего комбината и города, встретишь образ Завенягина. Таков, например, вызвавший всеобщий интерес в 80-е годы роман А. Рыбакова «Дети Арбата». Значительное место в романе автор отводит Марку Александровичу Рязанову, директору металлургического комбината на Востоке. В образе Рязанова легко узнается А. П. Завенягин (1901-1956 годы). А. Рыбаков включает в свое произведение весьма существенный факт, который не позволяет спутать Рязанова-Завенягина ни с кем другим. М. А. Рязанов пишет статью для журнала «Большевик» о проблемах своего комбината, которая увидела свет в середине ноября 1934 года. Действительно, в журнале «Большевик» в 1934 году была опубликована статья А. П. Завенягина «Строительство и освоение Магнитогорского завода». Статья напечатана в 15-м номере журнала. Можно сказать, что страницы романа, посвященные директору комбината на Востоке, вносят определенный вклад в художественную летопись Урала.

...В год юбилея комбината надо вспомнить о Завенягине. Вспомнить о всех тех, кто вопреки бедам и испытаниям продолжал жить одной судьбой со своим народом, не теряя чувства ответственности за будущее своей страны.

Петр СПИРИН.